

Слова Хуан Фугуя все еще звучали в ушах; даже спустя несколько лет, вспоминая их сегодня, он мог чувствовать, как его грубые руки касаются кожи.

Сун Цзиньшу сквозь одежду яростно тер себе тело, словно пытаюсь стереть эти глубоко въевшиеся в память воспоминания, механически повторяя одно и то же движение.

Когда Янь Чэн внес его в комнату и положил на кровать, он обнаружил, что кожа на шее Сун Цзиньшу покраснела от трения, даже появились прожилки крови.

Он рассердился, схватил руку Сун Цзиньшу, обернул ее тканью, привязал к изголовью кровати и запретил причинять себе вред.

Сун Цзиньшу же подумал, что Янь Чэн считает его грязным и не хочет больше трогать.

Он начал яростно биться, тонкие бледные вены на шее вздулись, словно умирающий лебедь, поднявший голову с последними силами.

— Нет... не грязный, я, я, не грязный...

У Янь Чэна защемило в глазах, он прижал человека к себе, с такой силой, словно хотел вжать Сун Цзиньшу в свое тело, чтобы их плоть и кровь слились, и эта боль передалась бы, чтобы их никогда больше не разлучили.

Он не знал всей правды, но мог догадываться о прошлом.

Стоило ему представить, как маленького Сун Цзиньшу прижимали к земле, заставляя кусать губы и безмолвно плакать, принимая насилие, как его сердце разрывалось на части.

В ушах звучали тихие всхлипы Сун Цзиньшу, Янь Чэн снова и снова целовал его мочку уха, повторяя ему одно и то же:

— Не грязный, мой Цзиньшу не грязный.

Сун Цзиньшу заплакался, уткнувшись в грудь Янь Чэна и прищурился; нос покраснел от слез, и вид у него был весьма жалкий.

Янь Чэн укачал Сун Цзиньшу, колеблющийся свет свечи скользил по его лицу, Янь Чэн поднял руку и стер остатки слез в уголках его глаз.

Служанка постучала в дверь и тихо спросила Янь Чэна, ужин готов, не подать ли сейчас.

— Оставьте на кухне греться, молодой господин уже заснул, никто не входите и не будите его.

Янь Чэн опустил полог, на цыпочках вышел из внутренней спальни, велел служанке сторожить у двери, сам взял фонарь и пошел в сарай.

.

Он никогда не слышал, чтобы у Сун Цзиньшу были родственники-кузены. Когда он женился на Сун Цзиньшу, это было под давлением родителей: «воля родителей, слова сваха», «завещание друга».

Теперь, подумав, он понимал, что совершенно не знал, кто есть в семье Сун Цзиньшу, и в какой обстановке он жил раньше.

Сегодня пришел один, назвавшийся двоюродным братом, а завтра не придет ли кто-нибудь, называя себя тетей?

Янь Чэн нахмурился и с ноги пнул дверь сарая.

Сидевший в углу человек вздрогнул от звука, крупное тело съежилось в комок, занимая лишь крошечный угол.

— Ты... это незаконно, я подам в суд!

Хуан Фугуй приехал из Личэна, проголодался за полдня, думал, что в доме Янь его будут хорошо кормить и поить, а не ожидал, что его избьют и бросят в сарай.

Урчание в животе сопровождало его слова в сарае.

Янь Чэн презрительно усмехнулся, пнул сухую ветку в сторону Хуан Фугуя; его тень от света у двери тянулась длинной, создавая сильное давление.

— Если я сегодня убью тебя в сарае, второй человек об этом не узнает.

Хуан Фугуй весь дернулся, прежняя злость исчезла, он распластался на земле, кланяясь Янь Чэну, жир на нем заходил ходуном.

— Второй господин, великодушный человек, я нечаянно на вас наехал, пощадите жизнь маленькому человеку.

Янь Чэн, подавляя тошноту, больше не смотрел на Хуан Фугуя, поставил фонарь на землю, острым взглядом окинул его и спросил:

— Ты только что сказал, что Сун Цзиньшу был тобой везде перещупан?

Не ожидая, что Янь Чэн пришел из-за этого, Хуан Фугуй видел, как Янь Чэн поддерживал Сун Цзиньшу, выходящего из передней, и знал, что чувства между ними не так плохи, как говорят посторонние.

Наоборот, сказав об этом деле и увидев, что Янь Чэн пришел к нему, а не прогнал Сун Цзиньшу, это доказывало, что положение Сун Цзиньшу в сердце Янь Чэна необычно.

Хуан Фугуй не смел скрывать и не смел приукрашивать, рассказал Янь Чэну все, что случилось в детстве, до мелочей.

Видя, как лицо Янь Чэна становится все холоднее, Хуан Фугуй снова несколько раз ударился головой о пол.

— Маленький человек неправ, не должен был из-за похоти осквернить вторую госпожу, только прошу второго господина ради того, что я дальний родственник второй госпожи, даровать мне путь к жизни. Гарантирую, что не ступлю в Юду и полшага и не появлюсь перед второй госпожой.

Хуан Фугуй действительно испугался, плакал, рвал сердце.

Янь Чэн с отвращением отступил к двери, выражение глаз было неясным.

Спустя полминуты он наклонился, поднял фонарь с земли, повернулся спиной к Хуан Фугую.

— Иди к управляющему за 20 монет, срочно покинь Юду и никогда не появляйся перед Цзиньшу.

Он никогда не забудет панику в глазах Цзиньшу, когда он увидел Хуан Фугуя.

Один лишь Хуан Фугуй вызвал у него такой страх, а как же он сам, который причинил ему столько боли за эти 20 лет брака? Как Сун Цзиньшу выдержал и выжил?

Янь Чэн не смел думать об этом, прошлые воспоминания были как острый нож, понемногу вырезая его сердце.

В начале мая лекарь Ван с западной части города как обычно пришел к Янь Чи на осмотр.

Тело Янь Чи было слабым от природы, обычный сквозняк мог вызвать простуду, сейчас погода становилась жарче, служанки не смели ставить ледяные чаны в его комнату.

К счастью, Янь Чи не боялся жары, каждый день чувствовал себя сносно.

Лекарь Ван прощупал пульс Янь Чи, истощение тела было серьезным, долгие годы лечения лекарствами не приносили эффекта, скорее наоборот, чем больше пил лекарств, тем слабее становилось тело.

Лекарь Ван ввел длинную иглу в кончик пальца Янь Чи, через несколько секунд вытащил, посмотрел на немного посеревший кончик и спросил:

— У молодого господина по ночам еще бывает пот?

Янь Чи большим пальцем стер кровинку с кончика указательного пальца от укола, легкая боль заставила его слегка нахмуриться, головокружение постепенно накатывало.

Сидевший рядом Сун Цзиньшу поднял голову и пристально смотрел на двоих, внимательно слушая разговор лекаря и Янь Чи, услышав эти слова, тоже обернулся к Янь Чи.

Увидев вид Сун Цзиньшу, Янь Чи рассмеялся, скопившаяся за эти дни печаль развеялась.

— Иногда бывает пот, но ничего страшного.

Лекарь Ван немного подумал, поднял кисть и написал для Янь Чи рецепт.

— Тело молодого господина не подходит для сильных лекарств, я пропишу несколько рецептов для питания тела и изгнания холода, ваше тело нужно хорошо подлечить.

Сказав это, лекарь Ван снова поднял глаза, посмотрел на лицо Янь Чи, вздохнул и произнес:

— Постельные дела также нужно по возможности сокращать, молодой господин, помните, не будьте алчны до утех.

Сун Цзиньшу: «!?»

Постельные дела?

Сун Цзиньшу широко распахнул глаза, он никогда не слышал, чтобы у Янь Чи был объект

симпатии.

Янь Чи от слов лекаря немного застеснялся, прикрыл рот и тихо кашлянул, лекарь понял, поспешил встал и попрощался.

— Если тело молодого господина плохо, отдыхайте как следует, Ван сейчас уйдет, если будет дискомфорт, без стеснения пошлите человека в аптеку на западной части города за мной.

Янь Чи кивнул, Сун Цзиньшу тоже встал и проводил Вана до двери, как раз наткнулся на Янь Чэна, ведущего лошадь с улицы во двор.

Увидев его, Янь Чэн не знаю о чем подумал, удержал собирающегося сесть в карету Вана, сначала поклонился.

— Нужно еще побеспокоить Ван-дафу на некоторое время.

Ван посмотрел сбоку, услышал, как Янь Чэн продолжает:

— У моей супруги в детстве из-за высокой температуры возникли проблемы с горлом, сейчас говорит немного невнятно. Ван-дафу, посмотрите на него, можно ли вылечить эту болезнь?

Он удивился, посмотрел на стоящего рядом Сун Цзиньшу.

В Юду ходили слухи, что Янь Чэн женился на деревенском немом, изначально не был немым, просто говорил невнятно.

— Второй господин слишком вежлив, я сейчас посмотрю на вторую госпожу.

Заикание изначально неизлечимо, но случай Сун Цзиньшу особенный, горло, обожженное высокой температурой в детстве, не восстановилось, а заикание он перенял у других.

В то время, когда Сун Цзиньшу только женился в дом Янь, он тоже разговаривал со слугами. К сожалению, Янь Чэн считал его надоедливым, пнул его несколько раз и не разрешал говорить перед собой.

Со временем Сун Цзиньшу действительно стал считать себя немым.

Ван посмотрел на горло Сун Цзиньшу, снова прощупал пульс, выражение лица стало тяжелым.

<http://bllate.org/book/16689/1531885>